

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В. Тюто

—
КОЗЕТТА

Издательство «Детская литература»

В. ГЮГО

КОЗЕТТА

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

Виктор Гюго, французский писатель, родился в 1802 году и умер 83-х лет.

За свою долгую жизнь он написал много стихотворений, рассказов, больших романов. Он писал о тяжёлой жизни французского народа, о славной борьбе его за свободу; рассказывал о безработных бедняках, о бездомных, голодных детях. Когда читаешь его книги, то кажется, будто живёшь во Франции того времени, видишь французские города и деревни, дома и улицы, узнаёшь людей, о которых он говорит, и вместе с ними переживаешь их горести и радости.

Многие произведения Виктора Гюго вы будете читать, когда станете взрослыми. И только тогда вполне поймёте, какой большой мастер, какой прекрасный писатель был Гюго, как любил он свой народ, как хотел для него свободы и счастья. Когда ему было 75 лет, он говорил французским рабочим: «О чём думают короли? О войне. О чём думают народы? О мире». Гюго твёрдо верил, что придёт время и все народы будут жить дружно. Он говорил всегда: «Мир победит!» И, конечно, если б он жил в наши дни, он был бы верным другом нашей страны.

Многие из вас, должно быть, уже читали книгу «Гаврош» — отрывок из романа «Отверженные».

«Козетта» — отрывок из той же книги.

Перевод и обработка для детей

Н. С. Шер

Рисунки В. Петровой и Л. Петрова

Большее ста лет тому назад в деревне Монфермейль, недалеко от Парижа, стоял трактир-гостиница, где останавливались проезжающие. Трактир содержали муж и жена Тенардье.

Однажды весенним вечером на пороге трактира сидела хозяйка Тенардье. Две хорошенькие маленькие девочки — её дочери — играли рядом. По дороге, мимо трактира, шла женщина с ребёнком на руках. Она остановилась и долго смотрела на девочек.

— Какие у вас хорошенькие дети, сударыня! — сказала она.

Хозяйка Тенардье подняла голову, поблагодарила и предложила ей сесть. Женщины разговорились. Мать с ребёнком шла из Парижа; она осталась без работы и шла теперь на родину в поисках заработка. Она знала, что с ребёнком её никуда не возьмут, и ей

надо было на время устроить у кого-нибудь свою девочку. Но у неё не было в мире никого, кроме ребёнка, и у ребёнка не было в мире никого, кроме матери.

Увидев таких весёлых, чистеньких детей, она подумала, что у них, должно быть, хорошая мать и что сам бог направил её к трактиру Тенардье.

— Согласны вы оставить мою девочку у себя? — вдруг с глубоким волнением спросила она хозяйку трактира. — Я буду платить вам и скоро вернусь за ней.

Тенардье согласилась взять девочку. Ей было около трёх лет, это была крепкая, здоровая девочка с большими голубыми глазами. Её звали Козетта. Мать аккуратно платила за неё, и Тенардье писали ей, что девочка чувствует себя превосходно. Но это была неправда. Злые, жадные и хитрые люди, Тенардье возненавидели девочку: одевали её в старые платья своих дочерей, кормили под столом объедками вместе с кошкой и собакой, а когда Козетта немного подросла, то стала служанкой в доме. Её заставляли подметать комнаты, двор, улицу, мыть посуду, таскать тяжести. Трактир Тенардье походил на паутину, запутавшись в которой билась Козетта. Она была как муха в услужении у паука. И если бы приехала мать, то она бы не узнала своего ребёнка. Но мать не приезжала и уже давно не присылала денег. Может быть, она умерла?

Так прошло несколько лет. Однажды вечером, накануне праздника, в низком зале трактира Тенардье за столами, освещёнными сальными свечами, собралось несколько проезжих возчиков и странствующих торговцев. Хозяин Тенардье сидел со своими гостями, пил с ними и рассуждал о политике. Хозяйка готовила ужин на ярко пылавшем огне очага.

Козетта сидела на своём обычном месте — на перекладине кухонного стола, у очага. Она была в лохмотьях и деревянных башмаках на босу ногу. При свете очага девочка вязала шерстяные чулки

*Её заставляли подметать комнаты, двор, улицу, мыть посуду,
таскать тяжести.*

для хозяйских детей. Под стульями играл котёнок. Из соседней комнаты доносился смех и болтовня хозяйских дочек Эпонины и Азельмы.

Козетта сидела, грустно задумавшись, и хотя ей было только восемь лет, она уже столько страдала, что казалась маленькой старушкой. Козетта думала о том, что на дворе ночь, тёмная ночь, что в бочке не осталось воды, потому что пришлось наполнить кувшины и графины в комнатах для приезжающих, а идти за водой надо далеко в лес. Она надеялась на то, что, быть может, воды сегодня больше не понадобится: ведь все здесь пили вино, а не воду.

Но было мгновение, когда девочка испугалась. Хозяйка подняла крышку с кастрюльки, в которой что-то кипело, потом взяла стакан, быстро подошла к бочке с водой и отвернула кран.

Козетта, подняв голову, следила за каждым её движением. Тоненькая струйка воды потекла из крана и наполнила стакан до половины.

— Ну вот, — сказала хозяйка, — воды-то больше нет.

Козетта замерла от ужаса.

— Впрочем, — прибавила хозяйка, глядя на стакан с водой, — этого, пожалуй, хватит.

Козетта снова принялась за своё вязанье, но сердце у неё ещё долго продолжало колотиться в груди.

Она отсчитывала минуты, и ей очень хотелось, чтобы поскорее наступило утро.

Время от времени кто-нибудь из посетителей трактира выглядывал на улицу и восклицал: «Темно, как в яме!»

Вдруг в комнату вошёл один из остановившихся в трактире торговцев и сердито спросил:

— Почему мою лошадь не напоили?

— Не может быть! — ответила Тенардьё. — Её поили!

— А я говорю, хозяйка, что нет, — возразил торговец.

Козетта вылезла из-под стола.

— Право, сударь, — сказала она, — лошадь ваша пила. Она пила из ведра. Она выпила полное ведро. Я сама давала ей пить. И даже разговаривала с ней. Это была неправда: Козетта лгала.

— Поглядите на неё — ростом с ноготок, а наврала с дом! — воскликнул торговец. — Я тебе говорю, маленькая бесстыдница, что она не пила! Она совсем по-особенному фыркает, когда хочет пить, — я-то уж её хорошо знаю.

Козетта возражала голосом, еле слышным от страха:

— А всё-таки она очень хорошо пила...

— Ну что тут долго разговаривать! — закричал торговец. — Сейчас же напоите мою лошадь, и дело с концом!

Козетта залезла под стол.

— Конечно, — сказала хозяйка, — если лошадь не пила, её надо напоить.

Потом она осмотрелась:

— Куда же девалась девчонка?

Она нагнулась и увидела Козетту, забившуюся в самый дальний угол.

— Вылезай! — закричала хозяйка.

Козетта вылезла из своего убежища.

— Ступай напои лошадь, негодница!

— Но, сударыня... — робко возразила Козетта, — воды больше нет.

— Так пойдя принеси!

Козетта опустила голову и пошла за ведром, стоявшим в углу, у очага. Ведро было такое большое, что девочка сама могла бы свободно поместиться в нём.

Хозяйка вернулась к очагу, попробовала деревянной ложкой кушанье, которое варилось в кастрюле, и проворчала:

— Воды в источнике сколько угодно! Пойти да принести — только и всего!

Потом она порылась в ящике стола:

— На обратном пути зайдёшь в булочную и возьмёшь большой хлеб. Вот тебе пятнадцать су¹.

Козетта молча взяла монету и опустила её в карман передника; потом она остановилась с ведром в руке перед открытой дверью. Казалось, она ждала, что кто-нибудь придёт ей на помощь.

— Иди же! — закричала Тенардьё.

Козетта вышла. Дверь закрылась за ней.

Приближались праздники, и в деревню наехало много странствующих торговцев. Со своими товарами они расположились в маленьких лавках, которые тянулись вдоль улицы — от церковной площади до самого трактира Тенардьё. Окна этих лавок были ярко освещены.

Последняя лавка, стоявшая как раз против дверей трактира Тенардьё, была полна великолепными игрушками. Впереди, на самом видном месте, стояла огромная кукла в розовом платье, с золотыми колосьями в настоящих волосах и со стеклянными глазами.

Весь день это «чудо» стояло в окне лавки, соблазняя прохожих моложе десяти лет. Но в Монфермейле не нашлось ни одной матери, которая могла бы купить такую дорогую куклу своему ребёнку. Эпонина и Азельма целые часы любовались куклой, и даже Козетта украдкой решалась смотреть на неё.

И теперь, когда Козетта вышла на улицу со своим ведром в руке, такая озабоченная и печальная, она не могла удержаться от того, чтобы не посмотреть на удивительную куклу, на «даму», как она её называла. Козетта рассматривала красивое розовое платье, прекрасные блестящие волосы и думала: «Какая счастливая, должно быть, эта кукла!» Она не могла оторвать глаз от волшебной лавки. Она забыла всё на свете, даже поручение, с которым её послали.

Вдруг резкий окрик хозяйки вернул её к действительности.

---

¹ су — французская мелкая монета.

— Ты ещё не ушла, бездельница! погоди, я доберусь до тебя!

Козетта бросилась бежать со всех ног.

Она больше не останавливалась ни у одной лавки. Пока она шла по главной улице, блестящие огнями окна лавок освещали ей путь, но вскоре исчез последний огонь последней лавки. Бедная девочка очутилась в темноте, потонула в ней. Ей стало страшно, и она старалась как можно сильнее греметь ручкой ведра; этот шум помогал ей избавиться от страха. Чем дальше она шла, тем больше сгущался мрак. На улицах никого не было. Встретилась только какая-то женщина, которая, увидев Козетту, обернулась, остановилась и пробормотала: «Куда же может идти этот ребёнок?» Но потом, узнав девочку, воскликнула:

— Ах, да это Козетта — Жаворонок!

Пока по сторонам дороги тянулись дома или редкие заборы, Козетта шла довольно смело. Изредка сквозь щели ставней пробивался луч света — там была жизнь, были люди, и Козетту это ободряло. Но по мере того как она продвигалась вперёд, шаги становились всё медленнее и медленнее. Завернув за угол последнего дома, Козетта остановилась. Идти дальше последней лавки было страшно, пройти дальше последнего дома казалось невозможным.

Козетта поставила ведро на землю. Перед ней было поле — чёрное пустое пространство. С отчаянием смотрела она в эту темноту, туда, где не было людей, где были звери и, может быть, даже привидения.

Козетта схватила ведро, страх придавал ей силы.

«Скажу ей, что воды не было!» — подумала Козетта и решительно повернула домой. Но, едва сделав сотню шагов, она снова остановилась. Теперь ей представилась хозяйка Тенардьё, отвратительная, страшная Тенардьё с пастью гиены и с горящими злобой глазами.

Девочка жалобно посмотрела назад, потом вперёд. Что делать? Куда идти?.. Впереди — Тенардьё, позади — мрак и лес. Козетта повернулась и броси-

лась бегом по дороге к источнику. Она выбежала из деревни, добежала до леса, ни на что больше не глядя, ни к чему больше не прислушиваясь. Она переставала бежать только для того, чтобы перевести дух, но и тогда она всё-таки продолжала идти.

Так добралась она до источника.

Было очень темно, но Козетта привыкла ходить сюда за водой. В темноте нащупала она левой рукой склонившийся над водой молодой дубок, который обычно служил ей опорой. Ухватившись за ветку, она нагнулась и погрузила ведро в воду. Девочка не заметила, как в это время из кармана её передника упала в воду монета в пятнадцать су.

Она вытащила почти полное ведро воды и поставила его на траву. Тут только она почувствовала, что не может сделать больше ни шагу; она опустилась на траву и замерла, присев на корточки.

Козетта закрыла глаза, потом открыла их. Рядом с ней в ведре колыхалась вода, расходясь кругами. Над головой расстилалось небо, покрытое тяжёлыми, тёмными тучами. Дул холодный ветер. Козетта встала. Страх снова охватил её. Скорее бежать, бежать что есть силы через лес, через поле — к домам, к освещённым окнам, к горящим свечам. Взгляд её упал на ведро. И так велик был её страх перед хозяйкой Тенардьё, что она не осмелилась оставить его. Она ухватилась обеими руками за ручку ведра, но у неё едва хватило силы поднять его.

Так прошла Козетта шагов двенадцать, но полное ведро было тяжёлым, и девочка принуждена была поставить его на землю. Она передохнула минутку, потом снова взялась за ручку и опять пошла. На этот раз она прошла немного больше, но вскоре опять остановилась, потом опять пошла. Козетта шла согнувшись, низко опустив голову, совсем как старуха. Ручка ведра впивалась в её маленькие, мокрые и окоченевшие от холода ладони; а когда она останавливалась, холодная вода расплёскивалась и обливала её голые ноги.

И всё это происходило в густом лесу, ночью, вдали от людей, а девочке было всего восемь лет!

Козетта дышала с каким-то болезненным хрипом; рыдания сжимали ей горло, но она не смела плакать — так боялась она Тенардые даже издали.

Козетта шла очень медленно. Она с тоской думала о том, что пройдёт не меньше часа, пока она вернётся домой, и что Тенардые непременно изобьёт её. Дойдя до старого, хорошо знакомого каштана, она сделала последнюю остановку, чтобы хорошенько отдохнуть; потом собрала все свои силы, подняла ведро и храбро пошла вперёд.

И вдруг она почувствовала, что ведро стало лёгким. Чья-то рука, которая показалась ей огромной, взяла ручку ведра.

Козетта подняла голову. Высокая чёрная фигура шагала в темноте рядом с ней. Это был человек, неслышно подошедший сзади. Девочка не испугалась.

Человек заговорил с ней. Голос у него был спокойный, тихий.

— Это ведро слишком тяжело для тебя, дитя моё.

— Да, сударь.

— Дай мне, я понесу его.

Козетта выпустила ручку ведра.

— Сколько тебе лет, девочка?

— Восемь лет, сударь.

— И ты издалека так идёшь?

— От источника в лесу.

— А далеко тебе ещё идти?

— Ещё с четверть часа.

Человек помолчал немного, потом вдруг спросил:

— Разве у тебя нет матери?

— Не знаю, — ответила девочка и, прежде чем он успел сказать что-нибудь, прибавила: — Думаю, что нет. У других есть. У меня нет.

Потом сказала ещё:

— Я думаю, у меня её никогда не было.

Человек остановился. Он поставил ведро на

землю, нагнулся и положил обе руки на плечи девочки, стараясь разглядеть в темноте её лицо.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Козетта.

Они пошли дальше.

— Кто же послал тебя так поздно в лес за водой?

— Госпожа Тенардьё.

— А чем занимается эта твоя госпожа Тенардьё?

— Это моя хозяйка, — ответила девочка. — У неё трактир.

— Трактир? — переспросил человек. — Ну, так я там переночую. Веди меня туда.

— Мы туда идём, — сказала девочка.

Человек шёл довольно быстро. Козетта без труда попевала за ним. Она уже не чувствовала усталости.

Прошло немного времени. Человек заговорил снова:

— Разве у госпожи Тенардьё нет служанки?

— Нет, сударь.

— Так ты у неё одна?

— Да, сударь. — Потом Козетта прибавила: — У неё есть ещё две девочки.

— Какие девочки?

— Эпони́на и Азельма.

— Кто это Эпони́на и Азельма?

— Это барышни, дочери госпожи Тенардьё.

— А что же они делают, эти барышни?

— О, — воскликнула Козетта, — у них красивые куклы! Много всяких блестящих вещей! Они играют.

— Весь день?

— Да, сударь.

— А ты?

— Я работаю.

— Весь день?

Девочка подняла свои большие глаза, полные слёз, и тихо сказала:

— Да, сударь.

Помолчав минуту, она продолжала:

И вдруг она почувствовала, что ведро стало лёгким.

— Иногда после работы, если мне позволяют, я тоже играю.

— Как же ты играешь?

— Как могу. Мне позволяют. Только у меня мало игрушек. Эпони́на и Азельма не дают мне играть их куклами. А у меня есть маленькая оловянная сабелька, вот такая.

Девочка показала свой мизинец.

— Она тупая?

— Нет, сударь, острая: она рубит головки у мух и режет салат.

Они дошли до деревни и прошли мимо булочной. Козетта совсем забыла, что хозяйка велела ей купить хлеба.

Человек перестал задавать вопросы и мрачно молчал. Когда они подошли к постоялому двору, Козетта робко дотронулась до его руки.

— Вот мы уже подходим к дому, — сказала она.

— Ну так что же?

— Позвольте мне теперь взять ведро.

— Почему?

— Потому что, если госпожа Тенардьё увидит, что вы его несёте, она побьёт меня.

Человек отдал ей ведро.

Минуту спустя они стояли у двери трактира. Потом она постучала. Дверь отворилась.

Козетта не могла удержаться, чтобы ещё раз не взглянуть на большую куклу, выставленную в окне игрушечной лавки.

На пороге показалась госпожа Тенардьё со свечой в руке.

— А, это ты, дрянная девчонка! Долго же ты ходила! Наверно, заигралась где-нибудь!

— Сударыня, — сказала Козетта, дрожа от страха, — этот господин хочет переночевать у нас.

На угрюмом лице хозяйки сейчас же показалась любезная гримаса. Но после того, как она внимательно осмотрела одежду незнакомца и его узелок с вещами, эта любезная гримаса исчезла.

— Очень жаль, но у меня совсем нет места, — сухо сказала она.

— Поместите меня где хотите, — отвечал человек, — на чердаке, в конюшне... Я заплачу, как за комнату.

— Сорок су!

— Сорок су? Хорошо.

Человек вошёл в зал, положил на лавку узелок и палку и сел к столу, на который Козетта поспешила поставить бутылку вина и стакан. Торговец, требовавший воды для своей лошади, пошёл её поить. Козетта уселась на своё место под столом и принялась вязать. Человек пристально смотрел на Козетту.

Девочка была худа и бледна. Ей было восемь лет, но на вид можно было дать только шесть. Её руки потрескались от холода, босые ноги были худые и красные. Одета она была в лохмотья, и сквозь дыры одежды виднелось голое тело, покрытое синяками. Ей всегда было холодно, и она привыкла сидеть съёжившись, прижимая коленки одну к другой. И теперь, вернувшись домой вся измокшая, она не осмелилась даже подойти к очагу, чтобы просушиться.

Вдруг хозяйка закричала:

— Да, а где же хлеб?

Козетта, услышав крик хозяйки, поспешно вылезла из-под стола. Она совсем забыла о хлебе. Как все запуганные дети, она прибегла ко лжи:

— Сударыня, булочная была закрыта.

— Надо было постучать!

— Я стучала, сударыня.

— И что же?

— Мне не отперли.

— Завтра я узнаю, правда ли это, и если ты врёшь, то ты у меня заплашешь! А где деньги?

Козетта опустила руку в карман передника и побледнела: денег в кармане не было.

— Ты слышишь, что я тебе говорю?

Козетта вывернула карман. Куда пропали деньги? Бедняжка не находила слов. Она окаменела.

— Ты их потеряла, — закричала хозяйка, — или ты хочешь их украсть? — И она протянула руку к плётке, висевшей в углу над очагом.

Это страшное движение хозяйской руки заставило Козетту закричать:

— Простите! Сударыня! Сударыня, я больше не буду!

Тенардые сняла плётку.

Козетта забилась в угол. Она старалась съежиться, защитити от ударов своё полуобнажённое маленькое тельце.

В это время незнакомец незаметно для других пошарил в своём жилетном кармане.

— Виноват, сударыня, — сказал он. — Я сейчас видел, как что-то упало из кармана девочки.

Он нагнулся и поискал на полу.

— Вот, — сказал он, вставая, и протянул монету Тенардые.

Но это была совсем не та монета — это была монета в двадцать су.

Хозяйка положила деньги себе в карман и, сурово взглянув на девочку, сказала:

— Чтобы этого в другой раз не было!

Козетта снова спряталась под стол, «в конуру», как говорила Тенардые.

— Кстати, вы будете ужинать? — спросила Тенардые незнакомца.

Он не отвечал. Он, казалось, глубоко задумался.

— Что это за человек? — пробормотала хозяйка. — Нищий? Он не может заплатить ни одного су за ужин. Заплатит ли он за ночлег? Хорошо ещё, что он не присвоил себе денег, которые нашёл на полу!

В это время открылась дверь и в комнату вошли Эпониная и Азельма.

Это были две хорошенькие маленькие девочки. У одной были каштановые, у другой — чёрные косы. Обе были такие весёлые, чистенькие, толстенькие, здоровые, что на них нельзя было не любоваться. Обе были одеты в тёмные шерстяные нарядные платья.

Когда они вошли, госпожа Тенардьё воскликнула:
— А, вот и вы наконец!

Она привлекла их к себе каждую по очереди, пригладила им волосы, перевязала ленты, потом, ласково отстранив их от себя, сказала:

— Ишь какие франтихи!

Девочки уселись у огня. Они принесли с собой куклу и весело болтали. Козетта изредка отрывала глаза от своего вязанья и грустно глядела на них. Эпониная и Азельма не смотрели на Козетту. Для них она была чем-то вроде собачонки.

Кукла сестёр Тенардьё была старая, полинявшая, вся поломанная, но Козетте, у которой никогда в жизни не было куклы, настоящей куклы, она казалась необыкновенно красивой.

Вдруг Тенардьё заметила, что Козетта, вместо того чтобы работать, смотрит на девочек:

— Так-то ты работаешь! Вот я тебя плёткой...

Незнакомец, не вставая со стула, повернулся к хозяйке Тенардьё.

— Сударыня, — робко сказал он, — ну пусть она поиграет!

Тенардьё грубо ответила:

— Девчонка должна работать, раз она ест мой хлеб! Я не могу её даром кормить.

— Что же она делает? — спросил незнакомец.

— Вяжет чулки моим девочкам, если вам угодно знать!

Незнакомец посмотрел на красные от холода ножки Козетты и продолжал:

— Когда она кончит эту пару чулок?

— Этой лентяйке хватит работы по крайней мере ещё дня на три или четыре.

— А сколько могут стоять эти чулки, когда они будут готовы?

— По крайней мере тридцать су.

— Не продадите ли вы их мне за пять франков?¹

---

¹ Франк — монета, равная двадцати пяти су.

Тогда сам Тенардые счёл нужным вмешаться в этот разговор:

— Конечно, сударь, если это вам угодно, мы охотно уступим вам пару чулок. Мы никогда ни в чём не отказываем нашим гостям.

— Деньги надо заплатить тотчас же! — сказала хозяйка Тенардые резким и решительным голосом.

— Я покупаю эти чулки, — ответил незнакомец, вытаскивая из кармана и кладя на стол монету в пять франков. — И я плачу за них.

Потом он обратился к Козетте:

— Ну, я купил твою работу. Играй, девочка.

Хозяин Тенардые подошёл, взял монету и молча сунул её в жилетный карман.

Хозяйка Тенардые ничего не сказала. Она кусала губы, и на лице её была ненависть.

Козетта вся дрожала от волнения. Наконец она осмелилась спросить:

— Сударыня, это правда? Я могу играть?

— Играй! — сказала Тенардые грозным голосом.

— Благодарю вас, сударыня, — сказала Козетта.

И в то время, как она благодарила хозяйку, её сердечко полно было благодарности незнакомцу.

Хозяин Тенардые снова принялся пить.

Жена сказала ему на ухо:

— Кем может быть этот человек?

— Мне приходилось видывать миллионеров в такой одежде, — ответил Тенардые.

Козетта оставила своё вязанье, но не вылезла из-под стола. Она всегда старалась двигаться как можно меньше. Из ящика, стоявшего за её спиной, она вытащила какое-то старое тряпье и маленькую оловянную сабельку.

Эпонина и Азельма не обращали никакого внимания на то, что происходило вокруг них. Они были заняты важным делом — пеленали котёнка. Они бросили куклу на пол; и старшая, Эпонина, несмотря на мяуканье и отчаянное сопротивление котёнка, завёртывала его в какие-то красные и голубые лоскутья.

Занимаясь этим трудным и сложным делом, она всё время болтала:

— Видишь, сестра, эта кукла гораздо забавнее той! Она двигается, она кричит, она тёплая. Давай играть в неё. Это будет моя маленькая дочка. А я буду дама. Я приеду к тебе в гости, и ты увидишь мою дочку. Вдруг ты увидишь у неё усы и удивишься. А потом ты увидишь её уши, а потом хвост — и ещё больше удивишься. И ты скажешь мне: «Ах, боже мой!» А я тебе скажу: «Да, сударыня, это у меня такая маленькая дочка. Теперь все маленькие дочки такие».

Азельма с восхищением слушала Эпонину. В то время как хозяйские дочери пеленали котёнка, Козетта пеленала свою сабельку. Завернув игрушку, она взяла её на руки и тихонько напевала ей песенку.

Хозяйка Тенардьё подошла к незнакомцу.

«Может быть, муж прав, — думала она. — Может быть, это богач. Ведь бывают среди них такие чудачки». Она облокотилась на стол.

— Сударь... — сказала она.

При слове «сударь» незнакомец обернулся. До сих пор хозяйка называла его не иначе как «любезный».

— Видите ли, сударь, — заговорила она, придав своему лицу умильное выражение, которое было ещё отвратительнее свирепого, — я ничего не имею против того, чтобы ребёнок поиграл немного, раз вы уж так добры. Но ей надо работать. У неё никого нет.

— Это не ваш ребёнок?

— Ах, боже мой, сударь! Это маленькая нищая, которую мы приютили так, из милости. Она совсем дурочка. У неё, должно быть, водянка — видите, какая у неё огромная голова. Мы делаем для неё всё, что можем, — ведь мы сами небогаты. Вот уже полгода, как мы пишем на её родину и не получаем ответа. Надо думать, мать её умерла.

— А! — сказал незнакомец и снова задумался.

Козетта перестала играть. Она заметила на полу,

в нескольких шагах от себя, куклу, которую бросили хозяйские дочки, занявшись котёнком. Козетта оставила сабельку и медленно обвела глазами комнату. Хозяйка Тенардые разговаривала с мужем и считала деньги. Эпони́на и Азельма играли с котёнком. Посетители трактира ели, пили вино, пели песни; никто не обращал на неё внимания. Нельзя было терять ни минуты. На четвереньках вылезла она из-под стола, осмотрелась, убедилась в том, что её никто не видит, быстро подползла к кукле и схватила её. Через секунду она была уже снова на своём месте. Она сидела неподвижно, но повернулась теперь так, что загордила собою куклу, которую держала на руках. Никто, кроме незнакомца, который медленно ел свой скудный ужин, не заметил этого.

Радость Козетты длилась с четверть часа.

Несмотря на все предосторожности, принятые ею, она не заметила, что одна нога куклы торчала наружу и огонь ярко освещал её. Эта розовая блестящая нога вдруг привлекла внимание Азельмы, и она сказала:

— Посмотри, сестрица!

Девочки перестали играть и застыли от изумления. Козетта осмелилась взять их куклу! Эпони́на встала и, не выпуская из рук котёнка, подошла к матери и стала дёргать её за юбку.

— Не мешай! — сказала мать. — Ну, чего тебе?

— Мама, — сказала девочка, — посмотри! — И она указала на Козетту.

Козетта, поглощённая игрой, ничего не видела и не слышала.

Тенардые закричала голосом, охрипшим от возмущения:

— Козетта!

Козетта вздрогнула так, как будто земля заколебалась под нею. Она обернулась.

— Козетта! — повторила Тенардые.

Козетта тихо положила куклу на пол и разразилась рыданиями.

В это время незнакомец встал.

— Что случилось? — спросил он у Тенардьё.

— Разве вы не видите? — сказала Тенардьё, указывая пальцем на куклу, лежащую у ног Козетты.

— Ну да. Так что же? — переспросил незнакомец.

— Эта нищая осмелилась дотронуться до куклы моих девочек! — сказала Тенардьё.

— И из-за этого столько шуму? А если б она и поиграла куклой?

— Она трогала её своими грязными руками, — продолжала Тенардьё, — своими отвратительными руками!

При этих словах Козетта зарыдала ещё сильнее.

— Замолчишь ли ты! — крикнула Тенардьё.

Незнакомец пошёл к выходной двери, открыл её и вышел на улицу.

Не успел он выйти, как хозяйка, пользуясь его отсутствием, так больно ударила Козетту ногой, что девочка громко закричала.

Через несколько минут дверь отворилась — незнакомец вернулся; он нёс в руках чудесную куклу, предмет зависти всех малышей деревни. Он поставил эту куклу перед Козеттой и сказал:

— Это тебе.

Козетта подняла глаза; она смотрела на приближавшегося к ней человека с куклой в руке, как смотрела бы на солнце, идущее к ней. Она слышала, как он произнёс слова: «Это тебе»; она взглянула на него, посмотрела на куклу, потом медленно отодвинулась к стене и забилась в самый дальний угол. Она не плакала больше и не кричала; казалось, она не смела даже дышать.

Хозяйка Тенардьё, Эпони́на и Азельма остолбенели. Даже посетители трактира перестали пить. Наступила тишина. Хозяйка Тенардьё, безмолвная и окаменевшая, думала: «Что это за старик? Нищий или богач? Может быть, и то и другое — то есть вор». Хозяин Тенардьё смотрел то на незнакомца, то на куклу; казалось, он обнюхивал незнакомца, как он

стал бы обнюхивать мешок с деньгами. Но всё это длилось одно мгновение.

Тенардые подошёл к жене и тихо сказал ей:

— Кукла стоит по крайней мере тридцать франков. Не делай глупостей. Ползай перед этим человеком на коленях.

Тогда хозяйка Тенардые сказала притворно-сладким голосом, обращаясь к Козетте:

— Ну, Козетта, что же ты не берёшь свою куклу?

Козетта осмелилась выйти из своего убежища.

— Моя милая Козетточка, — подхватил Тенардые ласковым голосом, — господин дарит тебе куклу. Возьми её. Она твоя.

Козетта смотрела на чудесную куклу с каким-то страхом. Её лицо всё ещё было залито слезами, но в глазах уже светилась радость. Ей казалось, что стоит только дотронуться до куклы — и грянет гром.

Но искушение было слишком сильно. Она всё-таки подошла и, обращаясь к хозяйке, робко проговорила:

— Можно, сударыня?

Никакими словами нельзя описать то выражение отчаяния, страха и восторга, которое было на лице Козетты.

— Конечно! — ответила Тенардые. — Она твоя. Господин дарит её тебе.

— Правда, сударь? — спросила Козетта. — Это правда? Эта дама моя?

У незнакомца в глазах стояли слёзы. Он был, казалось, в том состоянии, когда человек боится говорить, чтобы не разрыдаться. Он молча кивнул головой Козетте и вложил руку «дамы» в её маленькую ручонку.

Козетта отдернула руку, как будто обожглась. Вдруг она повернулась и порывисто схватила куклу.

— Я назову её Катериной! — сказала она.

Странно было смотреть, как в эту минуту лохмотья Козетты смешались с лентами и чистым розовым нарядом куклы.

Никакими словами нельзя описать то выражение, которое было на лице Козетты.

— Сударыня, — продолжала она, — могу я посадить её на стул?

— Конечно, дитя моё, — ответила Тенардые.

Теперь уже Эпони́на и Азельма с завистью смотрели на Козетту.

Козетта посадила Катерину на стул, потом сама села перед ней на пол и молча смотрела на неё.

— Играй же, Козетта, — сказал незнакомец.

— О, я играю! — ответила девочка.

В эту минуту хозяйка Тенардые никого на свете не ненавидела так сильно, как этого незнакомца. Между тем ей приходилось сдерживаться. Она поспешила отправить своих дочерей спать, потом попросила у незнакомца позволения отослать и Козетту.

— Девочка так устала сегодня, — сказала она с притворной нежностью.

И Козетта ушла спать, взяв свою Катерину.

Незнакомец сидел, облокотившись на стол; он снова задумался. Посетители трактира перестали петь песни и постепенно уходили. Все они с каким-то почтительным страхом смотрели на незнакомца. Этот странный человек, так бедно одетый, так щедро швыряющий деньгами и дарящий каким-то босым замарашкам огромных кукол, был, конечно, человеком, достойным удивления, но в то же время и подозрительным.

Проходили часы; посетители разошлись, трактир заперли, зал опустел, огни погасли, а незнакомец всё ещё сидел на своём месте в том же положении. Только время от времени он менял руку, на которую опирался. Вот и всё. Но с тех пор как Козетта ушла, он не сказал ни слова.

Одни Тенардые оставались ещё в комнате.

— Что ж это, он всю ночь так будет сидеть! — ворчала хозяйка.

Когда пробило два часа, она сказала мужу:

— Я иду спать. Делай с ним что хочешь.

Муж уселся за стол, стоявший в углу, зажёл свечу и принялся читать газету.

Прошёл ещё час. Трактирщик по крайней мере три раза перечёл всю газету. Незнакомец не двигался. Тенардьё стал возиться, кашлял, плевал, сморкался, скрипел стулом. Незнакомец продолжал сидеть неподвижно. «Может быть, он спит?» — подумал Тенардьё.

Наконец он снял свой колпак, осторожно подошёл и осмелился сказать:

— Не желаете ли отдохнуть, сударь?

— Ах да, правда! — ответил незнакомец. — Где ваша конюшня?

— Я вас провожу, сударь, — улыбнулся Тенардьё.

Он взял свечу, незнакомец захватил свой узелок, и Тенардьё проводил его на второй этаж, в роскошно убранную комнату с мебелью красного дерева, с огромной кроватью и красными коленкоровыми занавесками.

— Что это? — спросил незнакомец.

— Это наша собственная спальня.

— Я бы предпочёл конюшню! — резко сказал незнакомец.

Тенардьё сделал вид, что не расслышал это далеко не любезное замечание. Он зажгёт две ещё не обожжённые восковые свечи, стоявшие на камине. Довольно яркий огонь горел в очаге. Тенардьё оставил незнакомца одного и прошёл в свою комнату. Не успел он войти, как жена сказала ему:

— Знаешь, я завтра же выгоню Козетту из дома.

Тенардьё холодно заметил:

— Ты слишком торопишься.

Больше они не сказали друг другу ни слова, и вскоре свеча в комнате погасла.

По уходе хозяина незнакомец поставил в угол палку, положил узелок, сел в кресло и некоторое время сидел задумавшись. Потом снял башмаки, взял одну из двух свечей, стоявших на камине, погасил другую, открыл дверь и вышел из комнаты. Он шёл, оглядываясь по сторонам, как человек, который чего-то ищет. Пройдя коридор, он добрался до лестницы.

— Сударыня, — продолжала она, — могу я посадить её на стул?

— Конечно, дитя моё, — ответила Тенардые.

Теперь уже Эпонина и Азельма с завистью смотрели на Козетту.

Козетта посадила Катерину на стул, потом сама села перед ней на пол и молча смотрела на неё.

— Играй же, Козетта, — сказал незнакомец.

— О, я играю! — ответила девочка.

В эту минуту хозяйка Тенардые никого на свете не ненавидела так сильно, как этого незнакомца. Между тем ей приходилось сдерживаться. Она поспешила отправить своих дочерей спать, потом попросила у незнакомца позволения отослать и Козетту.

— Девочка так устала сегодня, — сказала она с притворной нежностью.

И Козетта ушла спать, взяв свою Катерину.

Незнакомец сидел, облокотившись на стол; он снова задумался. Посетители трактира перестали петь песни и постепенно уходили. Все они с каким-то почтительным страхом смотрели на незнакомца. Этот странный человек, так бедно одетый, так щедро швыряющий деньгами и дарящий каким-то босым замарашкам огромных кукол, был, конечно, человеком, достойным удивления, но в то же время и подозрительным.

Проходили часы; посетители разошлись, трактир заперли, зал опустел, огни погасли, а незнакомец всё ещё сидел на своём месте в том же положении. Только время от времени он менял руку, на которую опирался. Вот и всё. Но с тех пор как Козетта ушла, он не сказал ни слова.

Одни Тенардые оставались ещё в комнате.

— Что ж это, он всю ночь так будет сидеть! — ворчала хозяйка.

Когда пробило два часа, она сказала мужу:

— Я иду спать. Делай с ним что хочешь.

Муж уселся за стол, стоявший в углу, зажёл свечу и принялся читать газету.

Прошёл ещё час. Трактирщик по крайней мере три раза перечёл всю газету. Незнакомец не двигался. Тенардые стал возиться, кашлял, плевал, сморкался, скрипел стулом. Незнакомец продолжал сидеть неподвижно. «Может быть, он спит?» — подумал Тенардые.

Наконец он снял свой колпак, осторожно подошёл и осмелился сказать:

— Не желаете ли отдохнуть, сударь?

— Ах да, правда! — ответил незнакомец. — Где ваша конюшня?

— Я вас провожу, сударь, — улыбнулся Тенардые.

Он взял свечу, незнакомец захватил свой узелок, и Тенардые проводил его на второй этаж, в роскошно убранную комнату с мебелью красного дерева, с огромной кроватью и красными коленкоровыми занавесками.

— Что это? — спросил незнакомец.

— Это наша собственная спальня.

— Я бы предпочёл конюшню! — резко сказал незнакомец.

Тенардые сделал вид, что не расслышал это далеко не любезное замечание. Он зажгёт две ещё не обожжённые восковые свечи, стоявшие на камине. Довольно яркий огонь горел в очаге. Тенардые оставил незнакомца одного и прошёл в свою комнату. Не успел он войти, как жена сказала ему:

— Знаешь, я завтра же выгоню Козетту из дома.

Тенардые холодно заметил:

— Ты слишком торопишься.

Больше они не сказали друг другу ни слова, и вскоре свеча в комнате погасла.

По уходе хозяина незнакомец поставил в угол палку, положил узелок, сел в кресло и некоторое время сидел задумавшись. Потом снял башмаки, взял одну из двух свечей, стоявших на камине, погасил другую, открыл дверь и вышел из комнаты. Он шёл, оглядываясь по сторонам, как человек, который чего-то ищет. Пройдя коридор, он добрался до лестницы.

Тут он услышал тихое дыхание ребёнка. Он сделал несколько шагов и очутился в каком-то углублении под лестницей. Там, среди всякого старого хлама и битой посуды, в пыли и паутине, была постель, если можно назвать постелью дырявый тюфяк, из которого торчала солома, и рваное одеяло, сквозь дыры которого виднелся этот самый тюфяк. Никаких следов простыни. И всё это прямо лежало на полу. На этой постели спала Козетта.

Незнакомец подошёл и долго смотрел на неё.

Козетта крепко спала, совсем одетая. Зимой она не раздевалась на ночь, чтобы было теплее.

Она держала в объятиях куклу, огромные открытые глаза которой блестели в темноте. Время от времени девочка глубоко вздыхала — казалось, она сейчас проснётся — и судорожно прижимала к себе куклу. Около постели стоял один её деревянный башмак. Открытая дверь рядом с конурой Козетты вела в довольно большую тёмную комнату. Незнакомец вошёл в неё. В глубине этой комнаты была стеклянная дверь, сквозь которую в соседней комнате виднелись две белоснежные детские кроватки. Это были кроватки Эпонины и Азельмы.

Незнакомец хотел уже идти назад, как вдруг взгляд его упал на камин. Это был огромный камин, в котором не было ни огня, ни даже золы; но тем не менее в нём было нечто, что привлекло его внимание.

Это были два хорошеньких детских башмачка разной величины. Незнакомец вспомнил старый милый обычай, по которому дети накануне праздника ставят свои башмачки в камин и ждут, что волшебница ночью положит в них какой-нибудь чудесный подарок. Эпонина и Азельма поставили свои башмачки в камин.

Незнакомец нагнулся.

Волшебница, то есть мать, уже побывала здесь, и в каждом башмачке блестело по новенькой серебряной монете в десять су. Незнакомец выпрямился и

собрался идти назад, как вдруг в самом тёмном углу очага он увидел ещё какой-то предмет. Он всмотрелся и узнал башмак, ужасный деревянный башмак самой грубой работы, весь изношенный, покрытый золой и присохшей грязью. В этом башмаке ничего не было.

Незнакомец порылся в жилетном кармане и положил в башмак Козетты золотую монету. Потом, осторожно ступая, прошёл в свою комнату.

На следующее утро, по крайней мере часа за два до рассвета, сам Тенардьё сидел в зале трактира за столом, освещённым сальной свечой, и сочинял счёт для незнакомца. Его жена стояла тут же и, нагнувшись, следила глазами за тем, что он писал. В доме уже слышен был какой-то шум: это Козетта мела лестницу.

Спустя четверть часа и после нескольких исправлений из-под пера Тенардьё вышло такое произведение искусства:

СЧЕТ ГОСПОДИНУ ИЗ ПЕРВОГО НОМЕРА:

Ужин	— 3 франка.
Комната	— 10 франков.
Свеча	— 5 франков.
Огонь	— 4 франка.
Прислуга	— 1 франк.

Итого: 23 франка.

— Двадцать три франка! — воскликнула госпожа Тенардьё.

Господин Тенардьё засмеялся своим холодным смехом и сказал:

— Уплатит!

— Да, — сказала Тенардьё, — ты не забыл, что я сегодня выгоню вон Козетту? Я видеть не могу эту уродку с её куклой!

Господин Тенардьё, закуривая трубку, ответил:

— Ты передашь счёт этому человеку.

Потом он вышел.

Едва закрылась за ним дверь, как вошёл незнакомец. Тенардые вернулся и стал в полуоткрытых дверях так, чтобы его могла видеть только жена.

У незнакомца в руках был узелок и палка.

— Как рано вы встали! — сказала Тенардые. — Разве вы, сударь, уже покидаете нас?

Произнося эти слова, она нерешительно вертела в руках счёт; ей всё-таки думалось, что не совсем удобно подать такой большой счёт человеку, имевшему вид нищего.

Незнакомец казался озабоченным и рассеянным. Он отвечал:

— Да, сударыня, я ухожу.

— Стало быть, — продолжала Тенардые, — у вас не было никаких дел в Монфермейле?

— Нет, я здесь проездом. Сударыня, сколько я вам должен?

Хозяйка молча подала ему сложенный листок бумаги.

Незнакомец развернул счёт и взглянул на него, но внимание его, очевидно, поглощено было чем-то другим.

— Хорошо ли идут у вас дела в Монфермейле, сударыня? — спросил он.

— Так себе, сударь, — ответила Тенардые, поражённая тем, что он ничего не говорит о счёте. И потом прибавила жалобным голосом: — Ах, сударь, времена нынче трудные! К тому же в наших местах так мало порядочных господ, всё больше беднота... Если бы время от времени нам не встречались такие великодушные и богатые господа, как вы, например... У нас так много расходов. Вот взять хотя бы эту девочку. Она просто разоряет нас!

— Какая девочка?

— Ну, вы знаете — девочка! Козетта! Жаворонок, как её прозвали в деревне.

— А! — сказал незнакомец.

Тенардые продолжала:

— Эти крестьяне дают такие глупые прозвища! Она скорее похожа на летучую мышь, чем на жаворонка. Видите ли, сударь, мы милостыни не просим, но и сами не можем подавать её. Мы не имеем возможности кормить чужих детей.

— А если б вас от неё избавили? — спросил незнакомец голосом, которому старался придать равнодушное выражение и в котором всё-таки слышалась дрожь.

— От кого? От Козетты?

— Да.

Красное и свирепое лицо трактирщицы расплылось в отвратительной улыбке:

— О, господин! О, мой добрый господин! Возьмите её, уведите куда хотите, сделайте с ней что угодно! Хоть съешьте её, мы вам только спасибо скажем.

— Так решено?

— Правда? Вы берёте её?

— Да, беру.

— Сейчас?

— Сейчас же. Позовите девочку.

— Козетта! — закричала Тенардьё.

— А пока придёт девочка, — продолжал незнакомец, — я с вами расплачусь. Сколько с меня следует?

Он взглянул на счёт и не мог скрыть удивления:

— Двадцать три франка?

Трактирщица с уверенностью ответила:

— Ну конечно, так, господин! Ровно двадцать три франка.

Незнакомец положил на стол пять монет по пять франков.

— Приведите девочку, — сказал он.

В эту минуту сам Тенардьё выступил на середину комнаты и сказал:

— Господин должен всего двадцать шесть су.

— Двадцать шесть су! — вскричала жена.

— Двадцать су за комнату, — холодно подтвердил Тенардьё, — и шесть су за ужин. Что касается

девочки, то мне необходимо переговорить с вами, сударь... Оставьте нас, жена!

Как только они остались одни, Тенардые предложил незнакомцу стул. Незнакомец сел; Тенардые стоял, и лицо его приняло выражение добродушное и простое.

— Сударь, я должен вам сказать, что я обожаю этого ребёнка.

Незнакомец пристально посмотрел на него:

— Какого ребёнка?

— Нашу маленькую Козетту. Ведь вы хотите увести её от нас? Скажу вам прямо: я не могу на это согласиться. Мне будет не хватать её. Правда, она нам стоит денег, правда, у неё есть свои недостатки, правда, мы не богаты, а за одни лекарства, когда она болела, я заплатил больше четырёхсот франков. Но у неё нет ни отца, ни матери — я её воспитал. Я люблю эту девочку. Моя жена вспыльчива, но и она любит её. Она нам как родная дочь.

Незнакомец продолжал пристально смотреть на него. Тенардые добавил:

— Прошу простить меня, сударь, но никто не отдаст своего ребёнка первому встречному. Согласны ли вы со мной? Конечно, я ничего не говорю, вы богаты, у вас вид честного человека, и если это послужит к её счастью... Но я бы хотел знать... Вы понимаете, что если я отпущу её, то хотел бы знать, куда она денется; я не хочу терять её из виду. Я хотел бы навещать её иногда, чтобы она знала, что приёмный отец охраняет её. Я даже не знаю вашего имени. Вы уведёте её — я скажу: «Где же Жаворонок? Куда он исчез?»

Незнакомец, глядя ему прямо в глаза, ответил суровым и решительным голосом:

— Если я возьму Козетту, то уведу её отсюда. Вот и всё. Вы не узнаете ни моего имени, ни где я живу, вы не будете знать, куда она пойдёт, и я намерен устроить всё так, чтобы она никогда в жизни с вами не встретилась. Согласны вы на это? Да или нет?

Услышав этот твёрдый ответ незнакомца, Тенардьё сразу переменял тон. Он сказал:

— Сударь, мне нужно полторы тысячи франков.

Незнакомец вынул из бокового кармана старый бумажник из тёмной кожи, развернул его и достал деньги. Потом, прижав их своим широким указательным пальцем, сказал трактирщику:

— Приведите Козетту.

Что же делала всё это время Козетта?

Проснувшись утром, она прежде всего побежала к своему башмаку. В нём она нашла новенькую золотую монету. Козетта была поражена. Никогда в жизни не видела она золотых монет и быстро спрятала её в карман, как будто бы украла. Между тем она чувствовала, что монета принадлежит ей, она догадывалась, кто её подарил, и испытывала радость, полную какой-то боязни. Она боялась куклы, боялась золотой монеты. И только незнакомец не внушал ей никакого страха. Напротив, его присутствие ободряло её. С той самой минуты, как она встретила в лесу этого старого человека, всё как бы изменилось для неё.

С пяти лет, то есть с тех пор как девочка помнила себя, она всегда дрожала от холода и страха. Прежде её душе было холодно, теперь — тепло. Она уже не так боялась Тенардьё. Она уже не была одинока — у неё был защитник. Девочка быстро принялась за свою обычную утреннюю работу. Золотая монета, которая лежала в том же кармане передника, из которого накануне выпала монета в пятнадцать су, развлекала её. Она не решалась взять её в руки, но часто смотрела на неё. Подметая лестницу, она подолгу стояла неподвижно, забывая и метлу и всё на свете и разглядывая блестящую звёздочку в глубине кармана.

В одну из таких минут застала её на лестнице хозяйка.

По приказанию мужа она пошла её искать. И — удивительное дело! — она не ударила девочку ни разу и не выругала её.

— Козетта, — сказала она почти ласково, — поди сюда.

Через минуту Козетта вошла в зал трактира. Незнакомец взял свой узелок и развязал его. В узелке было маленькое шерстяное платье, передник, фланелевый лифчик, юбка, косынка, шерстяные чулки, башмаки — словом, всё, что нужно для восьмилетней девочки.

— Дитя моё, — сказал незнакомец, — возьми это и переоденься скорей.

Начинался день. Жители деревни Монфермейль, открывая двери своих домов, видели, как по улице шёл бедно одетый старик, ведя за руку маленькую девочку. Девочка несла в руках куклу в розовом платье.

Никто не знал этого человека; многие не узнавали и Козетту — на ней больше не было её лохмотьев.

Козетта уходила. С кем? Она этого не знала. Куда? Она тоже не знала. Она понимала только одно: трактир Тенардьё навсегда остался позади.

Цена 6 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1968 году в серии «Книга за книгой» выходят следующие произведения русских писателей:

**Жуковский В. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ
И СЕРОМ ВОЛКЕ**

Тургенев И. МУМУ. РАССКАЗ

Дмитриева В. МАЛЫШ И ЖУЧКА

Горький М. ДЕТСТВО ИЛЬИ.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Для младшего школьного возраста

Гюго В.

КОЗЕТТА

Ответственный редактор *Н. С. Дроздова*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*.
Технический редактор *И. П. Данилова*. Корректор *Е. Б. Кайрукштис*.
Сдано в набор 5/IX 1967 г. Подписано к печати 30/XI 1967 г. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 2. (Уч.-изд. л. 1,55). Тираж 300 000 экз. Бум. № 2.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, Мигаловское шоссе, 8. Зак. № 179.